

случилось?» С Меммедом все, что случилось, он ей рассказал. Выслушав его слова, девушка сказала: «Я дочь того самого царя кымыхов, я взяла (твой) семь кувшинов и сохранила поклажу согласно слову корабельщика, чтобы отдать ее хозяину (ее), если ее хозяин отыщется. Теперь (оказывается), ты хозяин тех кувшинов; завтра ты придешь, скажешь цену-стоимость той соли, мой хозяин цену знает, (соли) не купит. Ты соль назад возьмешь и я также с тобою пойду.» На другой день Меммед чуть свет, когда солнце еще не встало, поднялся, пошел бродить по базару, снова пришел в лавку, увидел хозяина лавки и сказал: «Мои семь кувшинов соли в эту лавку принесли, их мне отдай.» Хозяин лавки сказал: «Продай мне.» Меммед сказал: «Моей соли один «ман»¹ (стоит) три рубля.» Хозяин лавки цену соли знал, не купил, отдал (ее) владельцу. Меммед соль нагрузил на лошадей и с дочерью царя кымыха пустился в дорогу. Они на пути встретили реку, видят — лодочник людей в лодке перевозит через реку. Сперва половину вещей и дочь царя кымыха он (Меммед) перевез на ту сторону, а сам поехал назад за оставшимися вещами. Лодка перевернулась, он упал в воду, ухватился за дерево, взобрался на его (верхушку), видит, — на верху дерева гнездо, а в середине гнезда он увидел свое ожерелье. Подъехали лодочники, его сняли с дерева, подвезли к (его) вещам. После того он все свои одежды переменял и все кувшины на лошадей навьючил, и приехали они в свой город. Наняли они лавку, начали заниматься разменом денег, чтобы узнать, кто бывает в его доме. По городу прошла весть, что приехали два менялы, что они очень красивы. Эсна услышала об этом, пришла в своем мужском платье к менялам. И вот тогда его двоюродный брат (т. е. Эсна) его узнал, а Меммед ее не признал. Наступил вечер, Меммед созвал гостей. Когда (они) пришли, то они (т. е. Меммед и Эсна) друг другу объявились. Меммед свою лавку сложил и перешел в свой дом. Сорок дней, сорок ночей играл он свадьбу, и стали они жить в счастье; всем бедным и сиротам и

вдовам он оказывал помощь, и занялись они хорошими праведными делами. И все три жены друг с другом хорошо обходились, чтобы их муж на них не обижался. Когда царь узнал об этих обстоятельствах, своим подданным и бедным он много денег подарил и ликовал и ту самую дочь того Ходжа Сефи удочерил и приказал своему зятю, чтобы он ее сделал старшей над женами и чтобы он ей оказывал уважение. — Кончилось.

V.

Głai podšo hes-bē, čášada maif bē, įšta topraγda čáxda hakim hes-be, várdēše bašta čašío mālija bika, mālija nįbē. Glai davüş omai, čai qapısa mändē; podšo vazir omai, vótēše ki: «Tį ío bó či mánadaš, čėci pída?» Davüş vótēše: «Hėčim pídani; az podšo vindanínim.» Vazir še, ba podšoš vóte, vótēše: «Qıbléje - alám głai davüş oma, vótšc — «az podšo vindanínim.» Podšo ízniš dóe, vótēše: «Bó ba mįku.» Davüş še ba podšo xıtmát, árziš kárde: «Qıbléje - alám, ištį čašon maifin, ío bį tįno mālija ní babē; głai mói hėste dijóada; mągär ai bįdoš gatē, ča moi xuní bašta čaš é koš, ištį čaš čók babē.» Podšo įšta zuaš vąngiš kárde, dóše vardē, bašta zuaš votē: «Balá, čan muddáte, čan sóre, čimį čašon maifin; čáxada hakim várdáme, bįšta čaši mālijam dóme kardē, mālijápazir nįbē. Davüş bamįš vóte: «bištį čašío hič mālija ní babē, mągär głai mói hese dijóada, bį nóm, bį nišón, ai bįda gatē dijóada, čai xuní é ka bašta čaš, ištį čaš čók babē.» A čai zua dí hazo qošúnįš torči pe gáte, da še ba gami, še ba dijo dim; įšta domónšon e γánde, se mang ałašmiš bín, harakátįšon kárde, a moi nįbe, á ki davüş votá bē; čan milion móišon gáte, á moi nįbe. A šaxson inįimiš bín: áxada dijo dimísa dómišon e γánde, čáxada móišon gáte, diáišon kárde, a mojí ki davüş votá be, ba nóm, ba nišón moi čį moi dijáda ni; a gata móišon e kárde ba dijo (dojo). Podšo zua bavon vótše, bašta qošüni vótēše: «Inįimiš bímon, se mąnge ama dom e γándamon, moi ni. Davüş ištó głai sįxan bi jo votáše; ama ki inįimiš bímon. Čan vąxtē, müddáte bį

¹ «Ман» — весовая единица от 8 до 15 фунтов.

dijo dimisa čaľšmĩš bédamon, čān milion móimon gatá, á moi čĩ mojon dĩaada nĩ. Įšta domon gĩrdá ka, bĩšamon ba kano, á moi ki nĩ, á ki davũš votá bē, á moi nĩ.» Avon įšta domónšon gĩrda kárdĩšone, e kášone ba gami. Podšó zua havaslanmiš be, gĩai dómĩš pe gáte, e ģándĩše ba dajo, be křnĩše ba kano, vĩndĩše — hamun moi a davũš votá be, — á moi ána, čĩmj dómada! Váxtĩ ki a moiš vĩnde, įšta dómada vĩndĩše, a nomĩ, a nišonĩ davũši votá be, hamun moi čĩmj dómadaē (dómadē), a mójĩš be vārde įšta dómada, e ģándĩše ba gami, vĩndĩše — mojon čáxada dijóada moi hése, hamma gĩrda bĩn ba čĩmj gami gĩrdĩ, kam mánde čĩmj gami ģary bĩkan. A mojon čáxada dójada hēsbe, omain, pār ba pār dóšone, čai gami vášon gatē, na háštĩšone podšó zua a moi pé gatĩ, bĩba ba kano. Podšó zua dia kárdĩše, hič aľož nĩ, į mojon ki žĩgo (žógo) pášt ba pášt doášone, hič imkan nĩ, ama ģary babémon. Vótše bašta qošũni jamaati: «Fikrun čĩče, čĩ tahar bĩkamon? Įm mojon amani ģary bakan, hič imkan nĩ, ama qošũni áhli vótšone ba podšo zua: «Įštan banēš, hār aľoj hése, ti įštan bĩka; bamáno hič aľoj nĩ, há tah(ā)ri kardáš, ti bĩka.» Podšo zua vótše: «Hič alójĩš nĩ, ba pé ama įm moi ba dijjo va nó damon, ama ģary babémon. Įm moi vá badom ba dijjo, šĩma bašĩon ba čĩmj dada bávoton: «Įštĩ zua Ibrahimĩ mójĩš gate, mojon gĩrdá bĩn, piášone čama gami ģary bĩkan. Diaš kardē, čama gami ģary babē, į mojon čama gami ģary bakān, ama ío hamma ģary babémon, batasémon, poimoľ babémon; gátše a mójĩš, va dóše ba dijjo.» Avon vótšone ki: «Įon bazarĩe; xair, avótēnimon.» Vótše: «Xair, bavótion ba čĩmj púa, čĩmj pĩ mĩni badóe ba jaľloti, jaľloti čĩmj gĩ pe gáte.» Avon vótšone: «Xair, ama avót(e)nimon; ágār tĩ moi va nĩdoš ba dojo, ama hama ģary babémon.» Dĩbarā podšo zua vótše ki: «Az į moi vá badom ba dajo, šĩma bašĩon, ba čĩmj pua bavótion: «Ibrahimĩ a moi ki davũš votá be, Ibrahimĩ avĩš gáte, va dóše ba dojo.» Mĩni badójon ba čĩmj pĩa kištĩ.» Vá dĩ barā avon vótšone (qošun jamaati): «Ama baštĩ pua avótnimon, tĩ hār ainā įm moi ba dajo vá nĩdōš, ama hama ģary babémon; tĩ čama joni ruxnédaš; čókönai babe ki tĩo amani bĩ girdábada

baruxnoš; ama baštĩ pĩa avótnimon, tĩ a moi vá bĩda ba dajo; va nĩdōš, ama hama ģary babémon.» Podšo zua Ibrahimĩ, a mójĩš ki gatá bē, áviš va dóše ba dojo; hārčĩ moi ki ba gamĩsa gĩrda babē, pĩdašon be a gami ģary bikan, avon hama dĩ moi o kurjen, šn. Mávot, čĩ mojon podšohĩ bān, Ibrahimĩ gataš bē! Váxtĩki Ibrahimĩ ča moi podšo va dóše ba dajo, mojon dĩaada podšo be šin, šn, įmoň (įm qošũn) azad bĩn čĩ moi šārriku. Įm podšo zua Ibrahimĩ įšta qošũn pe gátše, dĩaada gami omai, be šin ba kano. Xaba rasāi ba potšo: «Įštĩ zua čĩ dijjo dimisa, čān müddāt be, dom e ģandá bin bĩ mójo; é sā avon oman, be šan ba kano, omédan bašta ka.» Į xaba ba podšo váxtĩ ki rasāi, podšo farróšĩš vóyānde: «Bĩšan, bĩnan, Ibrahimĩ, čĩmj zuá, a mójĩš gatá ja xair?» Farroš omai Ibrahimĩku, Ibrahim vótše bai: «A moi ki davũši votá be, ba nũm, ba nišón, á moi nišbē.» A farroš omai, ba podšo įm xabaš dóe, vótše: «Qĩblēje alām, Ibrahim oméda dĩaada qošũni. A moi, tĩ votá be bāi, čáyada čaľšmĩš bēn, čáxada dómĩšon ba dajo e ģandášone, čān milion móišon gatá, hamon mojí ki davũš votá be, ba nóm, ba nišón, á moi čama mojon dĩaada nĩ. Įštan tai omédan.» Į xabai ki ba podšo rasā, podšo majus bē, ģāmgĩn bē, įšta čaši taráfada. Az qazo, šavi, čĩ qošũni áhlada ki dĩ Ibrahimĩ šá be bĩ moi gatē, čavónda i kas šango bĩšta ženi sohbāt bakarde, bavotē: «Ama ki šĩmon bĩ mojon, dómōn e ģānde, čáxada móimon gatē, á moi ki podšo bama votáš bē, a moi ba das nómai, ama dómōn gĩrdámon kārde, e kámone (e kardámone) ba gami; Ibrahimĩ gĩai dómĩš pe gáte, šo dóše ba dijjo, be křnĩe dijjóada, vĩndĩše hamun moi ki davũši votá be ba čĩmj dada, hamun moi, ba nũm, ba nišón, moi — ána čĩmj dómada! A mójĩš e ģānde ba gami, — mávot čĩ mojon podšoĩ bān! Mojon ama ahatášon karde ba gamĩsa, kam mánde amani mojon ģary bĩkan. Ibrahimĩ bamáno vótše: «Hič aľoj ni, ta ki į moi ba dijjo vá nĩdamon, ama hama ģary babémon.» Avon vótšone ba Ibrahimĩ: «Moi va bĩda ba dijjo.» Ibrahimĩ-ān áviš va dóe ba dijjo.» A šáksi ki šango įm sohbātĩš bĩšta ženi kardáš be, žen mašta įm sixāniš vóte bĩšta hova. Hova še, vótše bašta nana. Nanáku-an įm siخان gav ba gav be, rasā

ba podšo ženi, ta j sixan rasā ba podšo. Podšo vóte: «Vai, Ibrahim, čan müddāte, čan sóre čimj čašon maifin; davūši ba mj glai mójjš votá be, ai bīda gate, bj nóm, bj njšón moi, čai xuni bašta čaš é ka, ištj čašon čok babēn. Az tñi bivoγandim bj mójo — a moi bīgat, čai xuni é kam bašta čaš, čimj čaš čok bībū. Tj čimj zuá bībī, tj čimj zua balá bībī, tj moi bīgati, a moi dī bara va bīdoi ba dajo! Tj nj pí (pié) čimj čašon čok bebūn.» Alūsti ámriš kárde ba farroši: «Bjšan, Ibrahimī bújan ba mjku.» Farroš še, Ibrahimjš vārde ba podšo hūzūr. Podšo ámriš kárde ba jalloti: «Fīlfuli bīžan čj Ibrahimī gi.» Vazir omai, gīnié ba xuk, vótēše: «Qībléje alām, ištj zuá-e, tj jmi mákišt, čai xuni išta divunxana vāda é maka, ai bībaxš; ba mj čai sazo áve, ai xarij bīka, išta vilajátiku, išta topráγada bé ka, bīda, bé šū, išta sai pé gatj, bé šū ištj topráγada, xarij bībū, ha joi šanin bu, bīšū.» Podšo ba vaziri kečmiš be, vótēše: «Jmi (emi) bótožnan, bėkan čimj topráγada, xarij bīkan, bīda bīšū, har vilaati šanīne, bīšū.» Vaziri j zua, Ibrahim nom, xariješ kárde čj šáhriku, čj podšo topráγada. Čj Ibrahimī nana omai, bašta zua vótēše: «Bála, šédaš, bj tóno núnem patá, ištj ro tižai (ro xoraki) pé gat dīšta!» Ibrahimī a núnjš sáše išta nanáku, da nóše ba xurjin, e háštjše bašta dūš, saš pe gáte, xodahafizjš kárde išta nanáku, be še, še ba dojo kano. Šéda be, vīndjše-glai jivoni šaxsi oméda; rasai bā Ibrahimī; Ibrahim xaba sáše: «Ba ké šédaš?» Ai vótše ki: «Tj ba ké šédaš?» Ibrahim vótše: «Čimj pja podšóhe, gazabnuk be bj móno, múnjš xarijš kardáše, bé kardáše išta topráγada, múnjš tožniáše; é sá áve mj išta sá pe gatáme, šédam dijar ba dijar, há joi čimj līngi gáte bašim.» A šaxsí-ān, bai pe gniá be rúada, áj-an vótše ba Ibrahimī: «Čimj pja múnjš xarijš kardá, bé kardáše išta topráγada; bás ama di jandj hamrúmon.» Xailak ró šin, a hamro bai pegniá be (peiniá be), av čáiku e siéi (e siái). Ibrahim tak tahno dagīnié ba ro, damánde še, vīndjše, glai sado oméda čimj peštíkū, vīndjše, diaš kárde, — banēm — glai davúše, handéda; j mojon dojóda hárči moi hése, hama bj davūši sado tamšo kárdan. Omai, jm davūš rasai ba Ibrahimī, vótše: «Ibrahim, tj ba

ké šédaš?» Vótše ki: «Čimj pja múnjš xariješ ka, išta topráγadaš tožniše, é sá áve áz-ān išta sam pegatá šédam.» Davūši bai vóte: «Ibrahim, ájān ištj hāmrom; há joi šanin bībomon, bašimom.» Ibrahim vótše: «Áγa darviš, mj vašime, bīništamon, tikai xorāk bāhamon, há joi šanin bībomon, bašimom.» Ibrahim dī daviši njšte, xirjin e vārdjše išta dūšada, núnjš be vārde, nóše; njštin dī kásan, hárdjšone, áštin (áštin), Ibrahimī xirjīneš pe gátēše, e háštjše bašta dūš, dagnin ba rō. Xailak ro šá bin, Ibrahimī vote: «Dáviš!» Daviš vote: «Bále.» Vote: «Mj vē tašime.» Davūši vótše ki: «Tj ío bīnjšt, az bīšūm, bj tjno óv paido bīkam.» Ibrahim njšte; davūš šē; še, vīndjše — glai jazira višá-e. Še ba viša, navai bj ovi, vīndjše — ov ni. Ba viša navéda be, vīndjše — glai čodo hése, čj čodo dīlāda glai pía merd ío čj gla qazan pūlo da parzīniáše ío bj qazanon bj pūlo qułtoγ kardéda. Davūš daše ba čodo dīla. Pía merdi vote ba daviši: «Dáviš, tj ío čič kárdaš? Ío bóči omaiš?» Daviši vote: «Čimj hāmro bārē tašīše, az bj ovi omam; ov hése, bīda ba mj, az bobam bīšta hamrójo.» Pía merdi vote: «Dārviš, ov hése, mīni vīndaš, jm čodo čj sipi dīvié, áz-ān čj gīlai podšo zuá bim, divi (dīvi) múnjš gátše, vardáše ío, da noáše ba čodó dīla; bāvada az jūhil bim, í sá az pía merd bām; divi johili vāxtada múnjš varda ta í sáa, az pía merd bām, xāilāk müddāte; tj čókōnai jurāt kárde, omaiš bj čodo? J vjra čj sipi divi manzīle; mámand, béši, é saa avon bomein, tñi poimol barkerdein.» Darviši vote ba pía merdi: «In (j) divon ba kó vjra šan?» Pía merdi vótēše ki: «J divon, pari podšo kinā hése, ba čai dave šān, ha rúž bašen, dī pari podšó kinā dave bakan, čájo bomen bašta manzīl, j xoraki bīhan, bīhaten, išta dīnji basen, úžnan bašen dai dave bakan, da pari podšo kinā; í sahat (sā) manda ba čavon omē; hoft gla dīvin, mámand, bīši.» Óviš vārde, dóše bā daviši. Daviši vote ba pía merdi, vótēše ki: «Az šédam, az tikai behuštūri bavardem, badom ba tō, vāxtj ki a divon omain, a behuštūri pe šāndjš ba čavon pīko, ba čavon xoraki; avon baharden (bahardān), be hūš baben (babān); az bomem, čavon sai ó babjrem.» J sixan vótēše ba pía merdi, be še, še; rasai ba Ibrahimī, óviš

dóe ba Ibrahimí. Ibrahimí óviš hárde. Daviši vote ba Ibrahimí: «Ibrahim, tǝ ío bómand, višáda dív hese; a (az) šédam ba čai davé, tǝ ío bómand, čǝǝn máǝv ta az omaim.» Daviš še, vǝndǝše, — pía merd be šá, čǝmǝ roi čaš kárda. Daviš vóte: «Pía merd.» Vóte: «Bále.» Vóte: «Bía, ǝ behúštǝri é ka ba čavon xorak; avon bahan, be húš bǝbǝn (bebǝn); az bomēm, čavon sai ó babǝrēm.» Darviš še, noho bē. ǝ divon omain bašta manzǝl, xorákǝšon píášone pía mérdikǝ. Pía merdi a behúštǝri e káše ba čavon xorak; divon hárde, čǝšta šǝn. Darviš omai, vǝndǝše — ǝmon ǝšǝn (qaš) kardá; bevárdǝše čaxu, čavon giš o búriše; o búriá ba pešta čavon vǝni bǝriše (bǝriše), čavon gǝšǝš bǝriše, čavon lǝbútǝš bǝriše, gǝrdaš kárde, e kárdǝše bá dasmol, dasmólǝš (dasmólǝš) pe gáte, be še, šē. Pari podšo kina manzǝlǝš xabaš gáte čǝ pía mérdiku. Pía merdi ča pari podšo kina manzǝlǝš ba davúši vótēše. Davúš be še, še ba pari podšo kina manzǝl. Pari podšo kina vǝndǝše — glai darviš omá, mánda čǝmǝ qapúku, vótše; «Dárvíš! Ío bó čǝ mándaš?» Daviši vótēše: «Xánǝm, a diví ki ǝštǝ dǝšmǝn bin, dǝ tǝ dave karda bin, tǝni inǝmíš karda bin, mǝ avon kǝštáme, čavon sǝu bǝriáme, čavon gǝš, čavon lǝbút bǝriáme, e kardáme ba dasmol, bó tono (bǝ tono) soǝyat vardáme.» Pǝri podšo kiná sáše dasmol čáiku, diaš kárde, — banǝm — čǝ dasmoli dǝláda čǝ dǝvi gǝše, lǝbúte, vǝnié, vótše: «Dárvíš, avon kónǝa kǝšte?» Darviší vote: «Xánǝm, višáda čavon manzǝl bē, čodo dǝlada hitá bin, čǝšta šá bin, omaim, čavon sam obǝrǝme (o búrǝme); áve vardáme ba tǝku, avon kǝštǝme, čǝštǝ sam kárde, ǝštǝ joni roxnǝme, tǝni čavónku roxnǝme.» Xánǝmí vótēše ki: «Az bova akánǝm, í kas bavoyandem, bǝšǝ, bǝvǝndǝ avon mordán, čavon xaba búla bo móno, az xotǝǝm bǝbǝm.» I ká-sǝš voyánde, še, vǝndǝše, — divon saon o bǝria bǝn, mordán. Omai, xabaš várde bo xánǝmí. Xánǝmí vote: «Dáviš, čǝmǝku čǝč (čéčǝ) pída, čē čoki avazi ba tǝ bǝdam, tǝ rozi bǝbi čǝmǝku?» Daviší vote: «Xánǝm, mǝ ǝštǝ saǝǝǝ pídamé, ǝštǝku héčǝ tavaqǝo níme (hič tavaqǝóimi ni).» Xánǝm vote: «Abǝni, ba tǝ tǝfa badom.» Xánǝmí várde gǝlai anǝǝštǝ, gǝlai xaliča, glájǝn súrfa, vote: «Dávúš, ǝ anǝǝštǝ vǝndaš? ǝmǝ bašta anǝǝšta há vaxt pe kárde, čó náǝr ǝštǝ

tóniku hozo babē, háči bǝpio čavónku, avon bo tóno hozo bakan (bakardēn), ba tǝ badon. ǝm xaliča vǝndaš? Ba há wilaǝti bǝpio še, bǝǝnǝš (bǝništǝš) ba sa xaličása, xaliča tǝni ba há wilaǝti šanin bǝbǝš (bǝbǝoš), babardē, banovné. Vǝndaš ǝ súrfa? Há vaxti vaši bǝbǝš, ǝ súrfa o ǝándǝš, bo tóno xorak hozo babē, bahardēš.» Dóše ba daviši. Daviši pe gátēše avon, omai Ibrahimíkǝ, nóše Ibrahimí tóniku, ba Ibrahimí vótše: «Az šédam ba dǝvi manzǝl, a pía merdi ájo moraxas bǝkam, bǝvoyandǝm ba čai vilaját; tǝ ío bǝnǝšt, toá čǝmǝ ome čǝǝn rád mábiš.» Darviš šē, háčǝ ča dǝvi manzǝlada pul hēsbe naǝdǝna, dóše ba pía merdi, gláǝšǝn asp dóše ba pía merdi, pía mérdǝš pe šánde ba aspi, vótēše: «Pía merd, bēši bašta vilát, tǝ moraxxásǝš.» Pía merd še. Daviš omai Ibrahimíkǝ, vótēše: «Ibrahim, bǝǝišt, bǝšamon!» Ibrahim áštǝ, hamro bē ba daviši. Be šǝn, šǝn; rasain ba glai šahri; šahǝri qapúku da šǝn ba dǝla, omain, rasain ba glai pía ženǝ kai, vótēšone: «Pía žen, ama (amanǝ) ǝm šango qonǝ baneš kǝ?» Pía žen vótēše: «Čǝmǝ kai talǝóǝš šǝmáne, boán ba manzǝl!» Ibrahim dǝ darviši omain, nǝštin pía ženǝ káda, vótēšone: «Pía žen!» Pía žen vóte: «Bále.» Vótšone: «Čǝ vǝra podšo ka ío nézē?» Vóte: «Bále.» Vótšone: «Mašta bašēš ba podšo ka, ba podšo bavotēš: «ǝšta kina bǝda ba čǝmǝ zua; čǝmǝ ígla zuam hēse, ǝštǝku xahiš kardédam, bape dǝ mǝ ǝm bǝbi, xǝšavan bebi, ǝšta kina bǝda ba čǝmǝ zua!» Podšo áǝr bóoto — adǝ tǝ qǝm babēm, ǝšta kina baštǝ zua badǝm — fábihǝ, čai xaba bǝ mǝno bavardēš; ja xair, áǝr vótēše — dǝ tǝ qǝm abǝnim, xǝšavan abǝnim, ǝšta kina baštǝ zua adánǝm, čáian xaba bǝ móno bavardēš.» Pía žen vóte: «Ba čáš.» Vótēše: «Pía žen, podšǝkǝ mátaršēš, ǝšta sǝxani bóoteš (bóteš) ba podšo; čai xaba ha tahri bē, bǝ móno mašta bavárdeš.» Mašta bē; pía žen be še, šē; še ba podšo, divon-xana váda mánde, vǝndǝše, — glai zanǝir e haštá bá; gátše a zanǝir, o šándǝše. Vazir omai, vótēše: «Pía žen! Tǝ ǝ zanǝir (zanǝir, zanǝir), bó čǝ o šandaš?» Pía ženǝ vótēše ki: «Mǝ dǝ podšo árzǝm hēse, sǝxánǝm hēse, dárdǝm hēse.» Vazirǝ vote: «Dǝ podšo čǝ dard hēse, čǝ sǝxan hēse? Hár sǝxani hēse, bót ba mǝ.» Pía žen vótēše ki: «Az omam, podšo ǝšta kina bǝda ba čǝmǝ zua.» Vazirǝ

vote: «Pía žen! Tj ba ké, podšo ba ké! Tj ba podšo vóttáš: «išta kina bída ba čimj zua!» Če jur'áte tj kárdaš, i sixani votédaš!» Vaziri žáše silli ba pía žen dim, kalamallay bē, gīnie ba zamin, yášiš kardē, čjštá šē. Podšo ba dia (dija) bē, vīndiše — vaziri žáše pía žen čimj divónxana váda, pía ženíš diroz kárde. Podšo yazabnuk bē, farróšiš voyánde, vazírjš dóše vardē, vótše: «Tj če jur'át bakaš (bikaš), čimj divónxana váda čimj arzači bakuēš!» Vazir vote: «Qjbléje -alám! Oxu a pía žen načajjy sixániš kárdē!» Podšo vótše: «Čič vottá be, čič sixániš kardá be?» Vóte: «Qjbléje -alám, a pía žen vottá be — «az omam, podšo išta kina bída ba čimj zua»; ba mjanan in soxan bad omai, mjan-an gáte, a pía žénim žā (žáme).» Podšo vótše ki: «Ba tj (te) čie, tj čimj arzači divónxana váda žédaš? Báika Xj dovandi čimj kina ba pía ženi zua qj smat karda bū!» Vazirēš podšo be kárdiše, jo vazirēš gáte bjštáno, farróšiš voyánde, pía ženíš dóše varde ištáku, vótše: «Pía žen, dj mj čj quļuy hése?» Pía žen vótše: «Qjbléje -alám! Az omam ba tjku, baštj xjdmät; dj mj bape qōm bjb; xjšavand bjb, išta kina bjdai ba čimj zua!» Podšo vóte: «Pía žen, az dj tj qōm babēm, ištjku sa dava bō javahirat, mašta sübhi, haši pé nōma, čimj káiku hozo bjbū; hárainā sa dava bō javaherat čimj káiku haši pé nōma hozo njbē, ištj sai badom ba jalloti pe gatē; baštj sai pusi simā badom da yandē, — pand bjbū ba čand pía ženóno; í kara žjgo yalatj njka!» Pía žen i sixániš masáē, lap márde išta sa. Pía žen o gardai čayin, omai bašta manzil, xabaš dóše ba daviši vótše: «Podšo sá dava bō čimjku javahirátjš piá mašta haši pé nōma; hárainā a javahirat ba podšo ka njšō, potšo mjni bákjštj.» Daviši vote: «Pía žen, máters, mašta sübhi haši pé nōma, sá dava bō javahirat podšo káiku hozo babē.» Šav bē; darviši angjšteš pe kárdiše bašta angjšta; čo náfār hozo be daviši tóniku, vótše: «Aγá darviš, amáni bo čie, damáni čj quļoy hése? Ištj votéada, ištj ámrada hozómon.» Darviši vote ba čo nafari: «Sá dava bō šimáku javahirátjš bapíe (bapíje), haši pé nōma podšo káiku hozó (hozi) bjbū.» Avon vótšone: «Ba čaš, hozó-e.» Darviš šango híte; mašta sübhi ba pía ženíš vóte: «Báiš, be ši

ba podšo ka; podšo káiku á sa dava bō javahirat hozóe, bé ši, bin, podšo ba tj čič votéda, dama qōm bēda ja nā; sá dava bō javahirat ávan ba podšo xjdmät rasái, é sá bin, podšo ba tj če javob dóda.» Pía žen še ba podšo xjdmät, vīndiše, — čai divónxana váda javahirat sá dava bō noá bá! Pía žen xailak xošnūd bē, omai (umai), a zanjírjš gáte, o šándiše. Podšo farróšiš voyánde — «bé ši (bj ši), bin, kie.» Farroš omai, vīndiše — glai pía žéne; vótše: «Pía žen, čj quļoy hése ba podšo?» Pía ženi vote: «Podšo vindanínim.» Farroš še, ba podšoš xabaš dóe: «Qjbléje -alám, glai pía žen baštj xjdmät omaníne.» Podšo vótše: «Bj ši, pía ženi, bóot, bō ba mjku.» Pía žen omai ba podšo xjdmät, saš žáše, vótše: «Qjbléje -alám, sá dava bō čimjku javahirat piéi, baštj xjdmät rasā, f sāt čí votédaš ba mj, dj mj qōm bēdaš ja nā?» Podšo vótše: «Pía žen! Az dj tj qōm babem, ištj ka sió-e, gadá-e, čimj kina — podšo kináe, žáyo káda njbani (njbane) mandē, davom njbani kardē. Tj glai ka, se martaba imarat pé gat, í karpič qjzjž, í karpič njya bjbū! Mašta sübhi haši pé nōma ištjku ba piéme hozo bjbū, ištj hamun kai vjrada; mašta sübhi az bevindem; hárainā a imarat njbū (njbō), se martaba, karpjijš njya, karpjijš qjzjž, — áz tjni bákjštj, ištj sai pusi sima da bayandem.» Bj pía ženíš hār vjrada da křiai? Pía ženi ištjan bašta fikriš kárde, vótše: «I čj (če) kō be a (az) da gīnim! Avon řotin, é sá bin! a sa dava bō javahirat kónjo djzišone, čápšon žē, várdišone ba podšo ka, — é sá imarät podšo čimjku pídaše! Im ba dá sor ba sa avóni! Á jür imarät! Podšo votéda — «glai karpič qjzjž, glai karpič njya, ištánan sé martaba! Bj hič podšo xazánada paido abjini, ba sa avóni! Podšo ávšan sübh haši pé nōma čimjkuš hozo pída! hič ba dá sor ba sa avóni! Podšo mjni mašta bákštj! I če kō be az da gīnim!» Omai darvišikū bašta manzil. Darviši xaba sáše, vótše: «Pía žen! Ba podšo á sa dava bō javahirat rasáe, é sat podšo ba tj čičēš votē?» Pía žen vóte: «Dárviš! Podšo mjni mašta bakjstē!» Darviši vote: «Pía žen, bó či podšo tjni bakštē?» Vótše: «Podšo vote — «glai imarät sé martaba, glai karpič qjzjž, glai karpič njya bj móno mašta sübhi išta kai vjrada hozo bakaš,

haši pé nōma háraina hozo njbō, maški t̄ini bakjšt̄im, bašt̄i sai sj̄ma da bayandem.» Daviš̄i vote: «Pía žen, máters, hič̄ ɣám mába! Maški súbhi haši pé nōma, á se martaba imarát, (č̄i kō bin!), podšo vota ba t̄i, t̄i hozo b̄ipi č̄im̄jku; máters, t̄ini ba k̄jšta adánim!» Šango bē; derviši anɣišteš vārde, be káše bašta anɣišta, čo náf̄ar hozo be daviši tóniku, vótšone: «Aɣá daviš, dama č̄i qoɣɣuy hése?» Daviš̄i vótēše ba čo nafari: «Se martaba imarát š̄imáku im šango tova súbh, í karpj̄ qiz̄il, í karpj̄ niɣa bape hozo b̄ibū, tova (toa) haši pé nōma. Išt̄jku hozo bap̄iē.» Avon vóte: «Ba čaš, hozó-ē.» Avon šin, š̄in. Daviš̄ h̄jte šango, Ibrahim-án h̄jte, pía žen-án h̄jte. Mašta súbh bē. Pía žen ášte (áiste), daɣárze, v̄indjše — glai imarát karpj̄ qiz̄il, karpj̄-an niɣa č̄im̄j sa pe hozó-e, az čai d̄ilada ḡinijám (ḡinijám), ž̄igoš zonáē (zonai), az han vindédam! Óžnan čaš vidoš ká (káē). Darviši sadoš kárde: «Pía žen! báašt (bāišt)! A kai ki, a imarāti ki podšo votáš bē, im hamun (hamon) ká-e, hamun imaráte. Béši podšókū, ba podšo bōot: «A imarāti, ba m̄i votá be, av hozó-ē.» Pía ženi vaxt̄i ki imarátj̄š v̄inde, šo be, be še, še podšókū, ḡin̄ie ba xuk, vótše: «Q̄ibl̄eje-alám! A imarāti ki sé martaba, karpj̄i — qiz̄il, karpj̄i niɣa č̄im̄jku piá bē, av hozó-ē, é sāt ba m̄i č̄ič̄ (čeč̄) vóttaš (votédaš)? Išta kina ba č̄im̄j zua dódaš ja ná? D̄i m̄i qōm b̄idaš ja ná?» Podšo vótše: «Pía žen, išta kina dóme bašt̄i zua. Maški bōoši, malo bavordēm, ai kabin badom kardē, aɣd badom karde išt̄i zuájo, tad̄arik bavindem, bavoyandem bašt̄i ka.» Pía žen ó gardai, omai darviš̄ikū, j̄ s̄ixánj̄š vóte ba darviši. Mašta bē, bešin, š̄in, d̄arv̄iš-án vā pía žen-án, š̄in ba podšo h̄žür, v̄indjšone, — podšo majl̄is̄j̄š ká, vazir vuzera, amir umera, jemaat̄i sipiriš̄ ḡirdaš kardáše bašta ka, maɣóšan vardáše. Daviš̄-an, pía žen-an omai ba podšo ka. Podšo vótše ba pía ženi: «Išt̄i zua ime?» Vótše: «Xair, im č̄im̄j bōe (būe), č̄im̄j zua ana káda.» Vótše: «Az aɣd dódam hande bašt̄i zuájo; č̄im̄jku rozi bēdaš ja ná?» Pía žen vóte: «Q̄ibl̄eje-alám, išt̄i saxavat vē, č̄im̄j čē hadd hése, az išt̄jku rozi n̄jbūm?» Podšo ba malo išta kina kabin dóše karde, čai siɣaš dóše hande ba malo, tadrúkiš̄ gáte, voyándj̄š išta kina

ba pía ženi ka. Vajášon kárde b̄i Ibrahim̄ijo. Šaš r̄už davárde árada; darviši Ibrahim̄i sado kardáše išt̄áku, vótēše ba Ibrahim̄i: «Ibrahim, podšo kinam várdime b̄i t̄ino (tóno), — áve išt̄i žen, iman išt̄i ka; m̄ini m̄iraxas b̄jka, az šédam bašta vilajat.» Ibrahim vote: «T̄i ba kó vra (v̄jra) šédaš? Há joi šédaš, ázan omédam d̄i t̄i.» Darviši vote: «Ibrahim! T̄i čókōnai baneš omē? M̄i č̄i podšo kina b̄i tóno tožam varda; podšo d̄i t̄i toža qōm (qūm) ba; čókōnā babē ki t̄i boi d̄i m̄i, j̄ imarāti, a ženi šódai, d̄i m̄i boi? Im čókā ko nie.» Ibrahim vótše: «Ab̄ini! M̄i ná imarátj̄m pída, ná žénj̄m pída, m̄i t̄in̄j̄m pída, išt̄jku az rād ab̄inim, j̄ni basijem.» Daviš̄i vote: «T̄i ba m̄i j̄zn b̄ida, az b̄jšum; šaš mang badj̄ga bomēm; t̄i d̄i m̄i mávō, išta žens̄kū, išta xaz̄inikū e másiy.» Ibrahim̄i vótše: «Aib̄iš̄ ni, bé ši, amma šáš mangi muddátada ba pe bōoi č̄im̄j tónikū.» Daviš̄ še, anɣište, súlfa í-an xalča várdiše ba Ibrahim̄i h̄žür, ba Ibrahim̄i vótše: «Ibrahim, hār vaxt̄i b̄i kójo domandōš, a anɣište pé ka bašta anɣišta. Ča anɣište hasijāt ávē, — hār kasi bašta anɣišta pé kō, čo náf̄ar čai tónikū hozo babē; hār qoɣɣoȳ b̄ip̄io čai čo náf̄arikū, a čo náf̄ar b̄ájo hozo bakárde. Č̄i xalča xasijāt ávē, — hār kasi ba sa ái sa b̄in̄j̄štō, xalča ai b̄abordē, ba há v̄rai šan̄in bō, bašē, banavē. Hār kasi xorákj̄š b̄ip̄io, j̄ súrfa ó ɣandō, b̄ájo xorak hozo babē; hār kasi j̄ taj̄ bašta sai b̄jnō (b̄jnou), b̄ip̄iše kasi ai n̄j̄vindō, niavindá. Č̄imon xasijat ime, — ba t̄i votédam, imoni sabil amonat ba t̄i da spardem, imoni čok ó gatj̄š toa č̄im̄j omē.» Az qazo ča podšo glai ɣoɣam hēs̄bē; av ɣoɣam ča podšo kinaš ápi; im š̄ixaniš̄ masā (masē), taa-j̄ubiš̄ kárde. Daviš̄ šē. Az qazo šavi Ibrahim̄i d̄j̄šta ženi xorak karda bē. Ženi xaba gatē Ibrahim̄ikū: «M̄ini č̄i kóada ašikar b̄jka, im imarát i šávada ío d̄j̄r̄is̄ (d̄j̄rist) bē, sá dava bō javahirat hozó bē, im čē keif̄j̄átē, m̄ini xabado bika, ba m̄i im koi ašikar b̄jka.» Ibrahim vótše: «Ai bi hajo, ai geisu boridā, im č̄j̄ š̄ixáne č̄im̄jku xaba sédaš?» Žaše silli bašta ženi gav. Im podšo kina čai žen bē! Vaxt̄i áv̄j̄š̄ žai, ai ba sa xoraki sa ɣášj̄š̄ káē (kárde). Ibrahim̄i dia kárdj̄še, — ženi ío ɣášeš̄ kárde. Ibrahim̄i išta ženi amónj̄š̄ molai, žénj̄š̄ ba h̄š̄uš̄ vārde, ba žénj̄š̄ vóte: «T̄i č̄im̄jku bó č̄i xaba

zē im kō?» Óviš várde, či ženi gávijš xunin bē, áviš šfšte, ášti (áisti), čayin šē; a darviši a amonati ba Ibrahimī aspardaš bē, avóniš pe gáte, várdiše bašta ženi hüzür, ba ženiš vote: «Ī angjšte xasijät ime: há kasi bašta angjšta pé ka, čo näfär hozo babe čai tónikü, har qułłóγiš bjbō, a čo näfär čai qułłóγi ba jōu bavardē. Ī imarāton, a sa dava javahirat čimjku xaba sai, ba mī bad omai; áve-mī tñim žai (žae); či angjšte xasijät áve; im imarāton, a sá dava bō ištj pja (pua) tónikü hozo bē, ĩ čo nafari hozo kárdiše, či angjšte xasijät imē.» Mávot, γołam omai bān, mandá bān či imarāti páštada, gúš kárde bān, im soxániš masai či Ibrahimī gávada bašta ženi sohbāt karda bē! Ibrahim hīte, ženiš-an hīte; av γołam omai javaš javaš da še ba ka, a angjšte da noa bá be ba qoti dila, noaš be Ibrahimī ba sa taxča sa. γołam omai, a qutiš pe gáte, a angjšteš qutiada bē várdiše, pe káše bašta angjšta. Čo näfär hozo bē, vótšone: «Āi γołam, bama če ámr hésē, če qułłoy hésē?» γołami vótše ba čo nafari: «Šimákum pída, Ibrahimī šódan ba glai čoł.» Avon pe gáte, Ibrahimšon šo dóe ba čoł, omain γołamíku, vótšone: «Bama če ámr hésē hani, či qułłoy hésē?» γołami vote: «Pe gatan ĩ(m) imarāti, bjbān ba sa bandísa, ĩ kiná-an vā mñní-an bjbān, bñnan ba sa bandísa!» A čo nafari pe gátše a imarāt, a kiná, a γołam, bárdiše, nóše ba sa baudísa. Mašta bē. Podšo omai, vindiše — nā imarāte, nā kináe, nā Ibrahimíe, — vindiše, banē, — glai sado oméda; še ba sa sado sa, vindiše glai čóle, a sado bī čólada oméda; gúšijš kárde, masáše — Ibrahimī sadó-e; e še ba čoł, vindedše — Ibrahimíšon ba jarášon žā, e γandášone ba čoł. Ibrahimíš pe gate, be káše (be kárdiše) čólada, várdiše bašta manzil, hakimíš várde, ba Ibrahimī mālija dóše kardē. Daviš omai, vindiše — nā imarāte, nā kináe, nā Ibrahimíe; še podšóku, ba podšoš votē: «Kíve Ibrahim? kíve ka? kíve kiná?» Podšo vótše: «Kiná nī, imarátan nī, Ibrahimíšon anja bē, e γandášon be ba čoł, šim Ibrahimím čólada be várdime, vardáme ba manzil, hakimím vā (vardá) bai, mālija dódam karde.» Daviš ĩn (i) soxániš masáše, omai Ibrahimíku, išta gavi łoyábijš da sūáše ba či Ibrahimī jara, Ibrahimī jara čok be, vóte: «Ibrahim, bñmand ío!»

Daviš še podšóku, vótše: «Qıbléje-alām, ĩ imarat ío nī, ištj odamónda hama ío hésē ja nī?» Podšo vóte: «Čimj jamaátada hama ío hese, čimj í gla γołam ío nī.» Darviši vote: «Qıbléje alām, az šédam, a imarāti-an, kiná-an (kinān) paido bñkam.» Daviš še, Ibrahim mánde ío. Darviš še, navai ba saháro, be še ba glai jazirā, jaziráda glai honi hésbe, nište, ča honi kano, damánde óv hardē, vindiše — dī gla káfte omain, nište čimj sáiku ba dō, im kaftion dijandj damánde sñxan kardē. Ī daviš čavon zivoni zónda be, banē — imon ba iandj votédan: «Ī darviši imarátíšon bárdá dī glai kiná, dī glai γołami; ĩn darviš bájo (bo ájo) navéda.» Daviš vote: «Āi parandon, āi haivonon, ajabon zonai — az ba imarāti ío (jo) navédam, ba kina jo navédam! Šjma ágār ča imarāti vira zóndon, ba mī bótan, az bñšum, a imarāti bñvindim.» Avon vote: «Aγá darviš, ama zína ša bímon ba haši ništa; vindišone — glai imarāt ba sa bāndísa; boi dama, a imarāti ba tñ nišon bñdamon!» Darviš še, vindiše: hamun imarāt ana ío, ba sa bñ bāndísa!» Darviš še, ča imarāti qapúku mánde; kina daviš vinde, omai darvišíku, vótše: «Az baštj sá čavom, tñ, ajab be, ío omaiš!» Darviši vote: «Kiná, kíve a γołam?» Kina vote: «γołam ba šikor ša.» Vote: «Ba tñ γołami hič dasdırozijš ká (kardá) ja ná?» Kina vote: «Kardáš nī, hákana (há kaina) pídaš be ba mī dasdırozi bñka, mī čaxu gatám be, bašta das vardá bim a čaxu, pídám be danám bašta łava (lávā); γołami dia káē (kárde) — az ištani dī čaxu bñkijštj, γołam čimjku uvákri hani ba mī dasdırozi nákaē (nákai).» Daviš vote: «Kínā, bíá, az ba tñ ĩ behuš-türí dóidám, av γołam omai, ištjküs óv bapíē, ĩ behuš-türí e kaš ba ov, bñdaiš bai, av baharde, be hüş babe čájo; az bomem, tñni, ĩ kai pé bagatem (pé bagatim), babám (ba bardem) baštj pja manzil.» γołam omai; ĩ kiná še ba čai nai; γołami vote: «Kínā, mī ki tñim ío vardá be, tñ ba čimj hič nai návoiš, ĩ čiče, tñ ba čimj nai omaiš, xai bñbū!» Kina votše: γołam, tñ čimj sahbí Ibrahimím e γánde ba čoł; toá ĩ vaxtj čimj sáhib čaš karda bim ba mñku bomē; amo é sāt umim (umídim) sijē; áve xido mñniš ba tñ qismāt kárdiše.»

Был один царь, он был болен глазами;¹ в своей стране сколько (у него) врачей ни было, он их вызывал² из-за своих глаз, чтобы они их вылечили, (но) исцеления не было. Пришел один дервиш, остановился у его ворот; вышел везир царя и сказал: «Ты здесь чего стоишь, чего ты хочешь?» Дервиш сказал: «Ничего не хочу; я должен видеть царя». Везир пошел и царю сказал: «Кыбла мира, пришел какой-то дервиш и говорит: «Я должен видеть царя.» Царь дал позволение и сказал: «Пусть он придет ко мне». Дервиш явился к царю и доложил: «Кыбла мира, твои глаза больны, здесь для тебя исцеления не будет; в море есть одна рыба; если ты прикажешь ее поймать и кровь той рыбы польешь на свои глаза, твои глаза исцелятся.» Царь крикнул своего сына, приказал его привести и сказал ему: «Дитя (мое), сколько времени, сколько лет, как мои глаза больны; сколько я врачей ни призывал, свои глаза лечить ни приказывал, исцеления им не получилось. Дервиш мне сказал: «Для твоих глаз никакого исцеления не будет, разве только (такое): есть одна рыба в море, с именем, с признаком, прикажи ее поймать из моря, кровь ее полей на свои глаза, твои глаза исцелятся.» Сын его (царя) две тысячи войска — рыболовов с сетями — взял, сел на корабль, выехал в море; свои сети они забросили, три месяца старались во всю, их передвигали (с места на место), а той рыбы не было, той рыбы, о которой говорил дервиш; сколько миллионов рыб они ни поймали, той рыбы не было. Те люди утомились; сколько они по поверхности моря сетей ни раскидывали, сколько рыб ни поймали, видят³ — той рыбы, о которой говорил дервиш, (рыбы) с именем и признаком, (той) рыбы среди рыб нет; пойманных рыб они выбросили в море. Царский сын им сказал, войску своему сказал: «Мы утомились; (уже) три месяца, как мы сети раскидываем, рыбы (же) нет. Дервиш, видно, слово зря сказал; мы ведь

¹ Точнее «имел порок глаз».

² Букв. «приводил».

³ Точнее «увидели».

устали; сколько времени уже, как мы трудимся на море, сколько миллионов рыб мы поймали, а той рыбы среди рыб нет. Свои сети собравши, поедем-ка мы к берегу, ведь той рыбы нет, о которой говорил дервиш, — той рыбы нет.» Они свои сети собрали, сложили на корабле. Сын царя развеселился, взял одну сеть, опустил в море, вытащил на борт (корабля), видит, — та самая рыба, о которой говорил дервиш, та рыба — «вот она в моей сети!» Когда он ту рыбу увидел, в своей сети увидел, с тем именем, с тем признаком, о которых говорил дервиш, ту самую рыбу увидел, что «она в моей сети», ту рыбу он вытащил из своей сети, бросил на корабль, видит — «(все) рыбы, сколько рыб в море ни есть, все собрались вокруг моего корабля, вот вот мой корабль потопят!» Те рыбы сколько в море их ни было, подплыли, захлопали плавниками,¹ загородили путь кораблю, не позволяли, чтобы царевич ту рыбу взял, отвез на берег. Царевич посмотрел: «Нет никакого средства спасения, эти рыбы ведь так сгрудились, нет никакой возможности, мы потонем.» Он сказал своему войску-людям: «Мнение ваше какое, каким образом нам поступить? Эти рыбы нас потопят, нет никакой возможности.» Войско-люди сказали царевичу: «Ты сам знаешь, какое есть средство спасения, ты сам его и примени; для нас никакого спасения нет; как ты сделаешь, (так и) сделай.» Царевич сказал: «Нет никакого для этого средства, следует нам эту рыбу в море выпустить, а не то мы потонем.² Эту рыбу я выпущу в море, вы же ступайте, моему отцу скажите: «Твой сын Ибрагим рыбу поймал, а рыбы собралось, хотели наш корабль потопить; он посмотрел, (видит) — наш корабль потонет, эти рыбы наш корабль потопят, мы здесь все потонем, захлебнемся, потонем; взял он и ту рыбу пустил в море.» Они сказали: «(Нет), нужно нам подумать о своей душе,³ нет, мы не скажем.» Он сказал: «Нет,

¹ Букв. «перьями».

² В тексте буквально, с пропуском двух слов: «следует нам в море эту рыбу (выпустить, если) не выпустим, то мы потонем».

³ Т. е. нам нужно позаботиться о своей жизни и не вызвать гнева царя.

скажите моему отцу, мой отец меня отдаст палачу, палач мне шею перерубит.» Они сказали: «Нет, мы не скажем; а если ты рыбу не выпустишь в море, мы все потонем». Вторично царевич сказал: «Эту рыбу я выпущу в море, вы идите к моему отцу, скажите: «Ибрагим ту рыбу, о которой говорил дервиш, Ибрагим ее поймал и выпустил в море». Меня отдайте моему отцу на казнь.» И вторично они ((его) войско-народ) сказали: «Мы твоему отцу не скажем, в случае же, если ты эту рыбу в море не выбросишь, мы все потонем; ты наши жизни (этим) спасешь; как же иначе ты нас из этого водоворота спасешь? Мы твоему отцу не скажем, ты же эту рыбу выпусти в море; если не выпустишь, мы все потонем.» Царский сын Ибрагим ту рыбу, которую поймал, ее выпустил в море; все рыбы, сколько их ни собралось около корабля и которые хотели тот корабль потопить, они все с этой рыбой потянулись обратно, поплыли. Скажи на милость!¹ Эта рыба (ведь) была царем рыб, которую Ибрагим поймал! Когда Ибрагим того царя рыб выпустил в море, рыбы со своим царем поплыли — уплыли; а они (это войско) освободились от зла, (причиненного) той рыбой. Царевич же Ибрагим забрал свое войско, приехал со своим кораблем, (и все) сошли на берег. Весть дошла до царя: «Твой сын на море, сколько времени уже прошло (с войском) сети раскидывал из-за одной рыбы; теперь они приехали, сошли на берег и идут к себе домой.» Когда эта весть дошла до царя, царь послал слугу: «Ступайте, посмотрите на Ибрагима, моего сына, поймал ли он ту рыбу или нет?» Слуга пришел к Ибрагиму, Ибрагим ему сказал: «Той рыбы, о которой говорил дервиш, с именем и с признаком, той рыбы не было». Тот слуга возвратился, сообщил эту весть царю, сказал: «Кыбла вселенной, Ибрагим подходит со своим войском. Той же рыбы, о которой ты ему сказал, сколько они ни старались, сколько сетей в море ни забрасывали, сколько миллионов рыб ни поймали, той же рыбы, о которой говорил дервиш, (рыбы)

¹ Точнее «не скажи».

с именем и признаком, той рыбы среди наших рыб нет. Они идут с пустыми руками.» Когда эта весть дошла до царя, царь пришел в отчаяние и опечалился из-за своих глаз. Случайно ночью из людей того войска, которое с Ибрагимом ездило ловить рыбу, из них один человек вечером со своей женой вступил¹ в беседу и сказал:¹ «Когда мы поехали за рыбами, сети забросили, сколько мы рыб ни поймали, та рыба, о которой царь нам говорил, та рыба в (наши) руки не попала; мы сети собрали, сложили на корабль; Ибрагим (тогда) взял сеть, бросил в море, вытащил из моря, видит — «та самая рыба, о которой говорил дервиш моему отцу, та самая рыба, с именем и признаком, — вот она в моей сети!» Ту рыбу он бросил на корабль; — скажи на милость! Это, оказывается, был царь рыб! Рыбы (тогда) окружили нас, (наш) корабль, и чуть-чуть (эти) рыбы нас не потопили. Ибрагим нам сказал: «Нет никакого средства (спасения), пока мы эту рыбу в море не выпустим (иначе), мы все потонем.» Мы сказали² Ибрагиму: «Рыбу выпусти в море». Ибрагим ее выпустил в море. Тот человек, который вечером этот разговор имел со своей женой, — жена (его) на другое утро эти слова сказала своей сестре. Сестра пошла, сказала своей матери. От матери же эти слова пошли из уст в уста, дошли до жены царя, пока, (наконец), эти слова не дошли до царя. Царь сказал: «Эй Ибрагим, сколько времени, сколько лет мои глаза больны; дервиш мне об одной рыбе сказал, о рыбе с именем и с признаком — (сказал), — «ее кровь полей на свои глаза, твои глаза исцелятся». Я тебя послал за этой рыбой, — поймай ту рыбу, чтобы я ее кровь полил на свои глаза, чтобы мои глаза исцелились. Ты же, будучи моим сыном, ты будучи моим сыном, (моим) ребенком, ты (эту) рыбу поймавши, ее снова в море выпустил! Ты не хотел, чтобы мои глаза исцелились!» Немедленно он приказал слуге: «Ступайте, Ибрагима ко мне приведите!» Слуга пошел, Ибрагима в присут-

¹ В тексте будущее время «вступит», «скажет», в значении настоящего.

² В тексте «они сказали».

ствие царя доставил. Царь дал приказ палачу: «Немедленно перерубите Ибрагиму шею.» Пришел везир, упал на землю, сказал: «Кыбла вселеппой, он (ведь) твой сын, ты его не убивай, его кровь перед твоим домом суда не проливай, его прости; по мне, его наказание то, чтобы ты его изгнал из своей страны, из своей земли, чтобы ты его выгнал, пусть он идет, на все четыре стороны,¹ пусть идет из твоей земли, пусть будет изгнан, в какое место он намерен будет пойти, пусть идет!» Царь сдался на слова везира и сказал: «Его прогоните, выгоните из моей земли, пусть (его) прогонят, пусть он идет, в какую страну он захочет идти, пусть идет.» Везир того юношу, по имени Ибрагима, выгнал из города, из земли царя. Пришла мать Ибрагима, сказала своему сыну: «Дитя, ты идешь, для тебя я хлеба испекла, твои дорожные припасы возьми с собой!» Ибрагим тот хлеб взял у своей матери, положил в переметную сумку, взвалил на свои плечи, пошел куда глаза глядят; простился со своей матерью, вышел он, пошел на берег моря. Шел он, видит — идет какой то молодой человек; подошел он к Ибрагиму; Ибрагим спросил: «Куда ты идешь?» Он сказал: «А ты куда идешь?» Ибрагим сказал: «Мой отец — царь, он разгневался на меня, меня выгнал, прогнал из своей земли, прогнал меня; и вот теперь я иду куда глаза глядят; иду из страны в страну, до какого места моя нога дойдет, я пойду.» А тот человек, который с ним встретился на дороге, тот сказал Ибрагиму: «Мой отец (тоже) меня выгнал, прогнал из своей земли; поэтому мы друг другу попутчики.» Много дороги они прошли, — тот попутчик, который с ним встретился, от него отделился. Ибрагим один одиношенек пустился в путь, пошел, слышит² — «какой то голос доносится сзади меня», — видит, смотрит, узнает,³ — какой-то дервиш поет; а те рыбы в море, сколько их рыб ни есть, все на голос дер-

¹ В тексте «свою голову пусть возьмет», равносильное нашему «пусть идет, куда глаза глядят».

² Букв. «увидел».

³ Букв. «узнаю я».

виша (собрались и) смотрят. Он подошел; тот дервиш приблизился к Ибрагиму и сказал: «Ибрагим, ты куда идешь?» Он сказал: «Мой отец меня изгнал, из своей земли выгнал, теперь вот я на все четыре стороны иду.» Дервиш ему сказал: «Ибрагим, я твой попутчик; куда мы ни вознамеримся пойти, пойдём.» Ибрагим сказал: «Господин дервиш, я голоден, сядем, немножко поедим; и куда мы (потом) ни решим идти, пойдём.» Ибрагим с дервишем сел, спустил переметную сумку со своих плеч, вынул хлеб, положил; сели они оба, поели, встали, Ибрагим взял свою переметную суму, взвалил на свое плечо, пустились они в путь. Много прошли они по дороге, Ибрагим сказал: «Дервиш!» Дервиш сказал: «Да!» (Ибрагим) сказал: «Я очень жажду.» Дервиш сказал: «Ты здесь посиди, я пойду, для тебя воды найду.» Ибрагим сел; дервиш пошел; пошел он, видит — островок леса. Пошел он в лес, искал воды, видит — воды нет. Бродил он по лесу, видит — стоит шатер, в шатре — старик; он там сорок котлов плова¹ нацепил и там у этих котлов над пловом работает. Дервиш вошел внутрь шатра; старик сказал дервишу: «Дервиш, ты здесь что делаешь? зачем сюда пришел?» Дервиш сказал: «Мой спутник очень жаждет, я пришел за водой; (если) вода есть, дай мне, я отнесу для своего спутника.» Старик сказал: «Дервиш, вода есть, видишь ты меня? Этот шатер — белых дивов,² я также был сыном одного царя, див меня схватил, принес сюда, посадил внутри шатра; тогда я был молодым, теперь же я стал стариком; див в дни молодости меня принес (сюда) и до нынешнего часа, (как) я стал стариком, многолько времени прошло; ты как осмелился притти в этот шатер? Это место — обиталище белых дивов; не оставайся, уходи, сейчас они придут, тебя уничтожат.» Дервиш сказал старику: «Эти дивы куда пошли?» Старик сказал: «Эти дивы. . . есть дочь царя — пэри, они пошли с нею воевать, каждый день они идут, с царской дочерью — пэри воюют, оттуда

¹ Кушанье из риса и мясных приправ.

² «Див» — злой дух, демон.

приходят к себе домой, едят эту пищу, ложатся спать, отдыхают, снова уходят с нею воевать, с царской дочерью — пэри; остается один час до их возвращения; их семь дивов, не оставайся (тут), уходи.» Он принес воды, дал дервишу. Дервиш сказал старику: «Я ухажу, немножко сонного средства принесу, дам тебе, когда эти дивы придут, это сонное средство ты подсыпишь в их плов, в их пищу; они съедят, потеряют сознание; я приду, им головы отрублю.» Эти слова он сказал старику, пошел; пришел к Ибрагиму, дал воды Ибрагиму. Ибрагим воду выпил. Дервиш сказал Ибрагиму: «Ибрагим, ты здесь побудь; в лесу есть див, я пойду с ним сражаться, ты здесь побудь, отсюда не трогайся, пока я не приду.» Дервиш пошел, видит — «старик вышел, меня поджидает.»¹ Дервиш сказал: «Старик!» Тот сказал: «Да». (Дервиш) сказал: «Ну-ка, это снотворное средство подсыпь в их пищу; они съедят, потеряют сознание; я приду и им головы отрежу.» Дервиш ушел, скрылся. Дивы пришли в свой дом, потребовали еды от старика. Старик то снотворное снадобье высыпал в их пищу; дивы поели, потеряли сознание. Дервиш пришел, видит, — они без сознания; вытащил нож, перерубил им шеи; отрубив их, он затем их носы отрезал, их уши отрезал, их губы отрезал, все (это) собрал, ссыпал в платок, взял платок и ушел. Жилище дочери царя — пэри он спросил у старика. Старик жилище той дочери царя — пэри дервишу сказал. Дервиш пошел к жилищу царевны пэри. Царевна пэри увидела, — «пришел какой то дервиш и остановился у моих ворот»; она сказала: «Дервиш! Ты чего здесь стояшь?» Дервиш сказал: «Госпожа! тех дивов, которые были твоими врагами, с тобою воевали, тебя мучили, я их убил, я их головы отрезал, их носы, их уши, их губы отрезал, ссыпал в платок, для тебя принес в подарок.» Пэри царская дочь взяла у него платок, посмотрела, видит — в платке уши, губы, носы дивов, — сказала: «Дервиш, их ты где убил?» Дервиш сказал: «Госпожа, в лесу было их жилище, в патре они спали,

¹ Букв. «на мою дорогу смотрит».

были без сознания, я пришел, их головы отрезал; вот я принес (их) тебе, для тебя я это сделал, твою жизнь я спас, тебя от них я спас.» Госпожа сказала: «Я не верю, человека пошлю, пусть он пойдет, посмотрит — они умерли-ли, весть о них пусть принесет мне, я успокоюсь.» Одного человека она послала, он пошел, увидел, — головы дивов отрублены, они умерли. Пришел он (обратно), сообщил весть госпоже. Госпожа сказала: «Дервиш, от меня ты что хочешь, какое добро я взамен тебе дам, чтобы ты был доволен мною?» Дервиш сказал: «Госпожа, я хочу твоего здоровья, от тебя же я ничего не прошу.» Госпожа сказала: «Не может быть, я тебе дам подарок». Госпожа принесла кольцо, коврик и скатерть и сказала: «Дервиш, это кольцо ты видишь? Его на свой палец всякий раз как ты наденешь, к тебе явятся четыре человека, все, что ты пожелаешь от них, они для тебя приготовят, тебе дадут. Этот коврик видишь? В какую страну ты ни захочешь направиться, ты сядешь на коврик и коврик тебя, в какую страну ты вознамеришься поехать, понесет, прокатит. Эту скатерть ты видишь? Всякий раз как ты проголодаешься, ты эту скатерть расстелешь, для тебя кушанье будет готово, ты покушаешь.» Она дала (эти вещи) дервишу. Дервиш их взял, пришел к Ибрагиму, положил около него и сказал: «Я пойду в жилище дивов, того старика там освобожу, отправлю в его страну; ты здесь посиди и до моего возвращения отсюда не уходи.» Дервиш пошел, все что было денег наличных в жилище тех дивов, он отдал старику; и лошадь дал старику; старика он посадил на лошадь и сказал: «Старик, поезжай в свою страну, ты можешь ехать.» Старик поехал. Дервиш пришел к Ибрагиму и сказал: «Ибрагим, встань, пойдём!» Ибрагим встал, пошел вместе с дервишем. Шли они, шли, дошли до одного города; воротами города вошли они внутрь (его), пришли, подошли к дому одной старой женщины и сказали: «Старуха, нас на эту ночь можешь ли ты приютить?»¹ Старуха сказала: «Мой дом принадле-

¹ Точнее «принять гостями».

жит вам, войдите в помещение!» Ибрагим с дервишем вошли, сели в доме старой женщины и сказали: «Старуха!» Старуха сказала: «Да!» Они сказали: «От этого места дом царя близко?» Она сказала: «Да.» Они сказали: «Завтра ты пойдешь в царский дом, царю скажешь: «Свою дочь отдай за моего сына; у меня есть сын, тебя я прошу, надо, чтобы со мной ты породнился, родственником сделался, свою дочь отдай за моего сына!» Царь, если скажет — «я с тобою породнюсь, свою дочь твоему сыну отдам», то и прекрасно, весть об этом ты мне принесешь, а если нет, если он скажет — «я с тобою не породнюсь, родственником не сделаюсь, свою дочь за твоего сына не отдам,» — и эту весть также ты мне принесешь.» Старуха сказала: «Слушаюсь.»¹ Он сказал: «Старуха, ты не должна бояться царя; свои слова ты скажешь царю; весть же (о дальнейшем), какая бы она ни была, ты мне завтра утром принесешь.» Наступило утро; старуха пошла, направилась к царю; остановилась перед судебным залом, видит, — цепь повешена; взяла она ту цепь, потрясла. Вышел везир и сказал: «Старуха! Ты эту цепь зачем трясешь?» Старуха сказала: «У меня к царю есть доклад, есть речь, есть горе.» Везир сказал: «К царю у тебя какое горе, какие речи? Какое слово у тебя есть, скажи мне!» Старуха сказала: «Я пришла, чтобы царь свою дочь отдал за моего сына.» Везир сказал: «Старуха! Ты кто, царь кто?² И ты царю говоришь: «свою дочь отдай за моего сына!» Какую дерзость ты проявляешь, эти слова говоришь!» Везир дал старухе пощечину, произошла суматоха, (она) упала на землю, потеряла сознание, лишилась чувств. Царь наблюдал, видит — «везир ударил старуху перед моим судебным залом и старуху свалил на землю». Царь рассердился, слугу послал, приказал привести везира, сказал: «Ты какую дерзость проявляешь, перед моим судебным залом моих просителей бьешь!» Везир сказал: «Кыбла вселенной! Ведь эта старуха сказала неподходящие слова!» Царь сказал: «Что она сказала, какие

¹ Букв. «на глазу» (т. е. твое приказание).

² Букв. «ты где? царь где?»

речи произнесла?» Он сказал: «Кыбла вселенной, та старуха сказала: «Я пришла, чтобы царь свою дочь за моего сына отдал;» — эти слова мне не понравились, и вот я взял и ту старуху побил.» Царь сказал: «А тебе что, что ты моих просителей перед судебным залом бьешь? Быть может Господь моей дочери определил быть за сыном той старухи!» Царь везира прогнал, другого везира себе взял, слугу послал, старуху приказал доставить к себе и сказал: «Старуха, какая у тебя служба для меня?» Старуха сказала: «Кыбла вселенной! Я пришла к тебе, на твою службу; надо, чтобы со мной ты стал родней, породнился, свою дочь отдал за моего сына!» Царь сказал: «Старуха, я с тобою породнюсь, (только) пусть тобою сто вьюков верблюжьих (полных) драгоценностей завтра утром, пока солнце еще не встало, перед моим домом будут приготовлены; в случае же, если сто верблюжьих вьюков драгоценностей у моего дома, пока солнце не взошло, готовы не будут, я прикажу палачу твою голову снять; в кожу твоей головы я соломы прикажу набить, чтобы это было примером¹ многим старухам; чтобы больше таких проступков они не совершали!» Старуха эти слова услышала, чуть не померла (со страху). Старуха оттуда возвратилась, пришла к себе домой, сообщила дервишу, сказала: «Царь сто верблюжьих грузов от меня драгоценностей потребовал завтра до восхода солнца; в случае, если те драгоценности в царский дом не будут представлены,² царь меня убьет.» Дервиш сказал: «Старуха, не бойся, завтра утром до восхода солнца сто верблюжьих грузов драгоценностей у царского дома будут (стоять) готовыми.» Наступила ночь; дервиш надел кольцо на свой палец; четыре человека к нему явились и сказали: «Господни дервиш, мы тебе на что, у нас (для тебя) какая служба? По твоему слову, по твоему повелению мы готовы.» Дервиш сказал тем четверем человекам: «Сто верблюжьих вьюков драгоценностей от вас я требую,³ чтобы еще до восхода

¹ Букв. «советом».

² Букв. «не пойдут».

³ В тексте «я потребовал».

солнца перед домом царя они стояли готовыми.» Они сказали: «Мы повинемся, они (будут) готовы.» Дервиш вечером лег спать; на другое утро он старухе сказал: «Вставай, ступай к дому царя; у дома царя те сто верблюжьих выюков драгоценностей (стоят) готовы, ступай, посмотри, царь тебе что скажет, с нами он породнится или нет; сто верблюжьих грузов они уже достигли царя, теперь посмотри, царь тебе какой ответ даст.» Старуха пошла к царю, видит, — перед его судебным залом драгоценностей сто верблюжьих выюков сложены. Старуха очень обрадовалась, пришла, цепь схватила, потрясла. Царь слугу послал: «Ступай посмотри, кто это.» Слуга пошел, видит — какая то старуха; он сказал: «Старуха, какая у тебя служба царю?» Старуха сказала: «Я должна видеть царя.» Слуга пошел, царю сообщил: «Кыбла вселенной, какая то старуха намерена явиться к тебе.» Царь сказал: «Ступай, скажи, пусть старуха придет ко мне.» Старуха пришла к царю, била челом,¹ сказала: «Кыбла вселенной, сто верблюжьих грузов от меня ты драгоценностей потребовал; они тебе доставлены; теперь что ты мне скажешь, со мною ты породнишься или нет? Царь сказал: «Старуха я с тобой породнюсь, (но ведь) твой дом черный, (дом) нищий, моя же дочь — дочь царская, в таком доме она не сможет оставаться, не сможет (там) долго быть. Ты дом в три этажа добудь, один кирпич (его) чтобы был золотой, а один кирпич серебряный.² Завтра утром, еще до восхода солнца, я от тебя требую, чтобы он был готов, на том самом месте, где стоит твой дом; завтра утром я посмотрю; в случае, если того здания не будет, трех этажного, один кирпич которого был бы серебряный, а другой — золотой, я тебя убью, в кожу твоей головы набью соломы.» Этой старухе куда деваться?³ Старуха про себя подумала, сказала: «Что это за дело, в какое я попала! Ведь они мошенники, — посмотри ка! те сто верблюжьих

¹ Букв. «головой».

² Т. е. чтобы дом был выстроен наполовину из золотых, наполовину из серебряных кирпичей.

³ Букв. «вращаться».

грузов драгоценностей откуда то своровали, награбили, доставили к дому царя; теперь же царь от меня (целое) здание требует! (Ведь) оно и в десять лет не будет готово! Этакое здание! Царь говорит, чтобы «один кирпич его был золотой, а другой серебряный, само же оно чтоб было трех этажное!» Ни у какого царя в казне (такого) не найдется, не выйдет! Царь же его утром до восхода солнца от меня готовым требует! (Ведь) оно и в десять лет не будет готово! Царь меня завтра убьет! Что это за дело, в которое я попала!» Она пришла к дервишу, к себе домой. Дервиш спросил, сказал: «Старуха! Царю те сто верблюжьих грузов драгоценностей доставлены, теперь царь тебе что сказал?» Старуха сказала: «Дервиш! Царь меня завтра убьет!» Дервиш сказал: «Старуха, за что царь тебя убьет?» Она сказала: «Царь сказал: «Здание в три этажа, один кирпич (которого) был бы золотой, а другой — серебряный, ты для меня завтра утром на месте твоего дома приготовь; если до восхода солнца оно не будет готово, утром я тебя убью и твою голову соломой набью.» Дервиш сказал: «Старуха, не бойся, не печалься! Рано утром еще до восхода солнца то здание в три этажа (посмотри-ка какое дело!), о котором царь говорил тебе, ты его готовым потребуй от меня; не бойся, я тебя не отдам на казнь!» Наступил вечер, дервиш достал кольцо, надел на свой палец, четыре человека явились к дервишу и сказали: «Господин дервиш, у нас (для тебя) какая служба?» Дервиш сказал тем четырем лицам: «Трехэтажный дом, в эту ночь до утра, один кирпич которого был бы золотой, а один кирпич серебряный, надо чтобы вами был приготовлен, до восхода солнца.» Они сказали: «Слушаемся, (будет) готов.» Они ушли. Дервиш вечером лег спать, Ибрагим также лег спать. Наступило утро. Старуха встала, проснулась, видит — «дом, один кирпич его золотой, а один кирпич — серебряный, над моей головой готов (выстроен), — а я оказалась внутри него!» Она так подумала, — «я вижу сон!» и опять глаза закрыла. Дервиш окрикнул (ее): «Старуха! вставай! Тот дом, то здание, о котором говорил царь, это вот самый дом и есть, это самое

здание и есть. Ступай к царю, царю скажи: «То здание, о котором ты мне говорил, оно готово.» Старуха, когда здание увидела, обрадовалась, вышла и пошла к царю, упала на землю и сказала: «Кыбла вселенной! То здание, трехэтажное, один кирпич которого золотой, другой же — серебряный, которое ты от меня потребовал, оно готово, теперь ты мне что скажешь? Свою дочь за моего сына отдашь или нет? Со мною породнишься или нет?» Царь сказал: «Старуха, я свою дочь отдаю¹ за твоего сына. Завтра утром ты приходи, я позову муллу, прикажу ему брачный обряд совершить, прикажу брачный договор составить для твоего сына, снаряжу (свою дочь) и пошлю в твой дом.» Старуха возвратилась, пришла к дервишу, эти слова ему сказала. Наступил другой день, они вышли, пошли, и дервиш, и старуха, пошли к царю, видят, — царь собрание устроил, всех везиров, всех эмиров, весь народ старейшин он созвал в свой дом и муллу призвал.² Дервиш и старуха вошли в царский дом. Царь сказал старухе: «Твой сын — этот?» Она сказала: «Нет, это мой брат, мой же сын дома». Он сказал: «Я прикажу совершить брачный договор для твоего сына; довольна ли ты мною или нет?» Старуха сказала: «Кыбла вселенной, твоя щедрость велика, какое у меня право³ быть тобою недоволенной?» Царь приказал мулле совершить брачный обряд своей дочери, приказал мулле прочесть брачную формулу, снарядил ее, послал свою дочь в дом старухи. Отпраздновали свадьбу Ибрагима. Шесть дней тем временем прошло; дервиш Ибрагима к себе позвал и сказал: «Ибрагим, я царскую дочь тебе доставил, вот твоя жена, а вот твой дом, меня ты отпусти, я пойду в свою страну.» Ибрагим сказал: «Ты куда пойдешь? Куда бы ты ни пошел, я пойду с тобой». Дервиш сказал: «Ибрагим! Как ты сможешь пойти? Я царскую дочь только что тебе привез; царь с тобой только что породнился;

¹ В тексте «отдал».

² Букв. «привез, доставил».

³ В тексте «hadd», повидимому, искажение рассказчиком слова haqq — право.

как же возможно, чтобы ты со мной пошел, это здание, эту жену бросил, со мной пошел? Это дело не хорошее.» Ибрагим сказал: «Не может быть! Я ни здания (этого) не хочу, ни жены не хочу, я тебя люблю, от тебя я не уйду и не отделюсь.»¹ Дервиш сказал: «Ты мне позволение дай, я уйду; через шесть месяцев я приду (назад); ты со мной не ходи, от своей жены, от своей казны не отрывайся.» Ибрагим сказал: «Ну, не беда, ступай, но через шесть месяцев надо, чтобы ты пришел ко мне.» Дервиш пошел, а кольцо, скатерть и коврик принес к Ибрагиму и сказал: «Ибрагим, всякий раз как в какомнибудь деле ты окажешься бессильным, то кольцо ты надень на свой палец. Свойство того кольца такое: всякий, кто его наденет на свой палец, четыре человека к нему явятся; какую службу он пожелает от тех четырех лиц, те четыре лица для него (ее) исполнят.»² Свойство коврика таково: всякий кто на него сядет, коврик его понесет, в какое место он вознамерится поехать, он поедет, будет кататься. Великий кто пожелает пищи, эту скатерть если расстелет, для него пища будет готова; всякий кто эту корону³ на свою голову наденет, захочет, чтобы его никто не видел, (его) не увидят. Вот их свойства, — я тебе (о них) говорю и (эти вещи) на хранение тебе передаю, ты их хорошо оберегай до моего возвращения.» Случайно у царя был один раб; тот раб царскую дочь любил; эти слова он услышал и удивился. Дервиш ушел. Как то ночью Ибрагим со своей женою ужинал. Жена спросила у Ибрагима: «Ты мне это дело объясни, это здание в одну ночь здесь было построено, сто верблюжьих выюков драгоценностей были приготовлены, что это за обстоятельства, меня ты осведоми, мне это дело разъясни.» Ибрагим сказал: «Эй ты бесстыжая, ей ты обрезанная коса, что это за слова, что ты от меня спрашиваешь?» Он нанес удар жене по рту. А ведь царской дочерью была его жена! Когда он ее ударил, она (тут же) за своей едой упала

¹ Букв. «не сторвусь».

² Букв. «приготовят».

³ Раньше корона в числе чудесных предметов не фигурировала.

в обморок. Ибрагим посмотрел, — «жена тут в обморок упала!» Ибрагим потер своей жене под лопатками, жену привел в чувство и сказал: «Ты у меня зачем спросила о этом деле?» Принес он воды; рот его жены был в крови, его он отмыл, встал и вышел; вещи, которые тот дервиш ему, Ибрагиму, отдал на хранение, их он взял, принес к жене и сказал: «Это кольцо, свойство его такое: всякий кто на свой палец его наденет, четыре человека появятся к нему; какая служба будет (нужна), те четыре человека ему (ту) службу исполнят. О этих зданиях, о тех ста верблюжьих вьюках драгоценностей, когда ты меня спросила, мне это не понравилось; вот почему я тебя побил. Это кольцо, свойство его такое; эти здания, те сто верблюжьих вьюков, (которые) у твоего отца появились, те четыре человека их приготовили, свойство кольца таково.» Скажи на милость! Ведь раб оказывается, пришел (в это время), и стоял позади здания и прислушивался и те слова услышал из уст Ибрагима, когда тот со своей женой беседовал! Ибрагим лег спать, жена его тоже легла спать; тот раб пришел; тихо, тихо вошел в дом; то кольцо было положено в ящик, и Ибрагим его (ящик) поставил в нишу в стене. Раб пришел, ящик взял, кольцо вынул из ящика, надел на свой палец. Четыре человека появились, сказали: «Эй раб, к нам (у тебя) какой приказ, какая (наша) служба?» Раб сказал тем четверем лицам: «Я от вас требую, Ибрагима бросьте в колодец». Они взяли Ибрагима и бросили в колодец, пришли к рабу и сказали: «К нам (у тебя) еще какой есть приказ, какая служба?» Раб сказал: «Возьмите это здание, перенесите на вершину горы, эту девицу и меня также перенесите и поставьте на вершине горы!» Те четыре человека взяли то здание, ту девицу, того раба, понесли и поставили на вершине горы. Наступило утро. Царь пришел, видит — ни здания нет, ни дочери, ни Ибрагима, видит, слышит¹ — голос доносится; пошел он на голос, видит — колодец, тот голос из колодца идет; прислушался, слышит — это голос

Ибрагима; спустился в колодец, видит — Ибрагима они изранили, бросили в колодец. Ибрагима он взял, вытащил из колодца, принес в свой дом, призвал врача, Ибрагима приказал лечить. Дервиш возвратился: ни здания нет, ни девицы, ни Ибрагима; пошел он к царю, царю сказал: «Где Ибрагим? Где дом? Где девица?» Царь сказал: «Девицы нет, здания нет, Ибрагима нет, Ибрагима они изрезали, бросили в колодец; я пошел, его из колодца вытащил, принес в дом, врача ему позвал, лечить приказал!» Дервиш эти слова услышал, пришел к Ибрагиму, слюной своего рта помазал Ибрагиму раны, Ибрагима раны зажили, и он (дервиш) сказал: «Ибрагим, оставайся здесь!» Дервиш пошел к царю и сказал: «Кыбла вселенной, этого здания здесь нет, а твои люди все здесь или нет?» Царь сказал: «Из моих людей все здесь, (только) одного моего раба здесь нет.» Дервиш сказал: «Кыбла вселенной, я пойду, то здание и девицу разыщу.» Дервиш пошел, Ибрагим остался здесь. Дервиш пошел, бродил по степи, вышел к одному (лесному) острову, на острове был источник, сел он на краю источника, начал воду пить, видит — «два голубя прилетели, сели над моей головой на дереве.» Эти голуби друг с другом начали беседовать. Дервиш их язык знал; понял он — они друг другу говорят: «Это дервиш... здание унесли с одной девицей, с одним рабом; (вот) этот дервиш их и разыскивает.» Дервиш сказал: «Эй птицы, эй животные, вы отлично узнали, я здание здесь разыскиваю, девицу разыскиваю. Если вы местонахождение этого здания знаете, мне скажите, я пойду, то здание увижу.» Они сказали: «Господин дервиш, мы вчера летали на запад, увидели здание на горе; иди с нами, то здание мы тебе покажем!» Дервиш пошел, видит: то самое здание — вот оно здесь на этой горе! Дервиш пошел, у ворот здания остановился; девица увидела дервиша, пришла к дервишу и говорит: «Я страшно рада тебе служить,¹ удивительно, как ты

¹ Точнее «узнает».

¹ Букв. «буду кружиться вокруг твоей головы,» повидимому, перевод азерб. тюркского выражения «başına dolanmak»?

сюда пришел!» Девриш сказал: «Девушка, где раб?» Девушка сказала: «Раб пошел на охоту.» Он сказал: «Тебя раб касался рукою или нет?» Девушка сказала: «Не касался; когда он захотел ко мне руки протянуть, я нож схватила, в свою руку тот нож взяла, хотела воткнуть его себе в живот; раб посмотрел, (видит)—я себя ножом убью—(тогда) он от меня отступил, больше ко мне рук не протягивал.» Девриш сказал: «Девушка, дай ка я тебе снотворное средство дам; тот раб когда придет, у тебя воды попросит, это усыпляющее средство ты в воду подсыпишь, ему дашь, он выпьет, и сознания от него лишится; я приду, тебя и этот дом возьму, понесу в дом твоего отца.» Раб пришел; девушка пошла ему навстречу; раб сказал: «Девушка, с тех пор как я тебя сюда принес, ты ко мне на встречу не выходила, что это значит, что ты мне на встречу пришла, да будет это ко благу!» Девушка сказала: «Раб, ты моего господина Ибрагима бросил в колодец; до этой поры я своего хозяина поджидала, что ко мне он придет; но теперь надежда моя пропала;¹ видно бог меня тебе определил (быть женой).

Пословицы, поговорки.

(Записаны в Ленкоране, от Мирзы Ваххаба Мамедова, из сел. Шмялара)

1.

Mor šatšúr bašē — bašta İona dūz.

2.

Sipa dabariṽē — karvon ró baka.

3.

Das dasí baššštē, dásan — dimí.

4.

Asp aspí ba ħarz batirñē.

(Следующие пословицы записаны от Мешеди Абдуллы, из сел. Лүасера).

5.

Neči bazüzē, išta baħon bašta sá ħirdá baħa.

6.

Há bazirē, išta toi paidó baħa.

7.

Aħa móġ bašē, fahla jón bašē.

8.

Haši be bašē — alām bavindē.

¹ Букв. «порвалась».